

УДК 821.161.1.09"1917/1991"
ББК 83.3(2=411.2)53

РЕМИНИСЦЕНЦИИ РОМАНТИЗМА В РОМАНЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

А. Худзиньска-Паркосадзе

В данной статье рассматривается степень и форма отражения идей эпохи романтизма в одном из самых выдающихся романов XX века – «Мастере и Маргарите» Михаила Булгакова. Среди ведущих идей следует назвать: идею свободы, прогресса, категорию духа, концепцию героя, интерпретацию темы любви, демонологию и фантастику. В результате проведенного анализа автор статьи пришел к выводу, что на первый план выдвигается проблема и мотив разрыва между героем и обществом, что, в свою очередь, указывает на дуалистическую модель миропорядка, лежащую в основе данного романа.

Ключевые слова: романтизм, Мастер и Маргарита, дуалистическая модель миропорядка, герой и общество, идея прогресса.

Время завершения Михаилом Булгаковым романа «Мастер и Маргарита» (1940) отделяет от конца эпохи романтизма сто лет (1789–1840/50 – западноевропейский романтизм; 1825–1840 – русский романтизм). И, хотя булгаковский роман фабулой вписан в сталинскую эпоху тридцатых годов, традиции романтизма явно выделяются в нем на всех уровнях. Реминисценции романтизма в данном произведении были уже неоднократно отмечены исследователями, а отнесение романа к традициям неоромантизма кажется уже признанным фактом. Естественно, самыми яркими романтическими качествами наделен заглавный герой. Однако нельзя упустить из виду влияние, которое оказали на автора «Мастера и Маргариты» немецкие романтики (Э.Т.А. Гофман, И.В. Гете, Г. Гейне) [9, с. 283, 172, 270–271].

И.Л. Галинская, рассматривая рецепцию творчества М. Булгакова западноевропейским литературоведением, пришла к выводу, что ученые часто причисляют писателя к европейской романтической традиции. Называют М. Булгакова «писателем-философом» в том смысле, в котором были «философами вели-

кие романтики» (Ева М. Томпсон), «поздним романтиком» (Джули Кертис), представителем европейской романтической традиции (Т.Р.Н. Эдвардс) [4]. Литературоведы подчеркивают, что романтической является также главная идея романа, то есть возмездие, которое ждет художника, отказывающегося творить. Более того, романтически наделенными аспектами текста можно считать высокую оценку личности художника и искусства, включение в текст персонажа писателя, чьи суждения и опыт совпадают с авторскими, и изображение героя, стоящего на пороге смерти и, следовательно, – Суда Божьего [там же].

Несомненно, романтическая ирония, сказ, сатира и гротеск в гоголевском духе также указывают на романтизм как на источник инспирации в процессе создания данного романа [12]. Однако самым выразительным отнесением к традициям романтизма являются параллели между текстом «Мастера и Маргариты» и «Фауста» Иоганна Вольфганга Гете [15; 18; 21]. Диалог, который ведет Булгаков с текстом немецкого гностика и мистика (а также масона), отражается не только на уровне конструкции героев, но прежде всего в идейной структуре текста, преодолевая рамки метафизики, она вступает в сферу мистики, пытаясь решить эсхатологические проблемы человеческого бытия.

Поскольку «Мастер и Маргарита» вписывается в рамки неоромантического романа, то следует обратить внимание и на это обстоятельство. Неоромантизм, как возрождение романтических тенденций в литературе и культуре, возник на рубеже XIX и XX веков, причем, с одной стороны, он стал характерен для преобладающих тогда в России модернистских течений, а с другой – представлял собой своего рода синтез романтизма и реализма. В центре неоромантической картины мира оказывались исключительные жизненные ситуации, требующие от персонажей проявления воли, силы духа, провоцирующие выработку духовной закалки человека. Категория неоромантической духовности имеет мистический характер и проявляется тяготением главных героев к тайным силам [3; 11].

В свете вышесказанного становится очевидно, что типичным неоромантическим героем является не один Мастер, в равной степени ими оказываются Маргарита и Понтий Пилат. Тайные силы представлены в романе Воландом и его свитой, странным образом связаны также с Иешуа. Именно в ситуации столкновения персонажей с этими двумя силами совершается катарсис как героев, так и читателя. Причем это кульминационное переживание отражает не столько эмоциональное состояние субъекта, сколько просвещение, связанное с процессом познания. Следует помнить, что категория правды и истины составляет центр идейной структуры данного текста.

Рассматривая романтические качества романа М. Булгакова, необходимо вспомнить также о проблеме историзма. В основе историзма лежит стремление к воспроизведению исторического прошлого, понимаемого как правда времени. В процессе изображения исторических явлений акцент обычно ставится на их становлении и развитии, в органической связи с порождающими их условиями [10]. К так понимаемому историзму можно, несомненно, отнести не только ершалаимские события, но и московские. Булгаков описывал современные ему события и делал это с сознанием свидетеля своего времени. Хотя имена и фамилии ненастоящие, механизм действия и логика событий сохранены в чистом виде. Здесь представлена не только тоталитарная система как исторический факт, но

прежде всего выявлен феномен постепенной выработки в человеке надлежащего системе порабощения и унижения личности.

Правда, вопрос историзма ершалаимских событий вызывает некоторые сомнения. Исследователи обычно относят эти сцены к мифотворчеству Булгакова, называя их прямо «библейским мифом» [5]. Если вспомнить слова Воланда о том, что «ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда», то ясным становится, что Булгаков в своем романе претендует, как минимум, на открытие дискуссии об исторической правде, трактующей Иисуса Христа как историческую фигуру, а не как героя библейского мифа. Автор подчеркивает это даже самым названием главы, в которой данная фраза была высказана, – «Седьмое доказательство».

Предметом обсуждения в нашей статье будут степень и способ отражения ведущих идей романтизма в романе «Мастер и Маргарита», под которыми подразумеваются такие константы, как романтическая идея свободы, идея прогресса, категория духа, концепция героя, тема любви, демонология и фантастика [22]. Анализ текста «Мастера и Маргариты», проведенный в соотношении с идеологией романтизма, позволит нам определить степень влияния духа той эпохи на текст одного из самых выдающихся романов XX века.

Идея свободы в XIX веке стала главным лозунгом романтизма, из которого косвенно произошли все последующие за ней идеи той эпохи. В пореволюционное время, в результате первого огромного общественного взрыва (1789), свобода перестала быть лишь только этическим вопросом, но расширила спектр своего влияния на правовой и общественный порядок. Далее понятие свободы трансформировалось в идею свободы личности, свободы творчества, приобретая не только метафизические, но и мистические свойства. В итоге романтическая идея свободы выявила два облика – идею свободы и независимости народа и идею личной свободы. В романе Михаила Булгакова мы имеем дело лишь с последним вариантом, так как постановка вопроса о свободе в советском обществе была бы в тридцатые и соро-

ковые годы XX столетия преждевременной и не соответствующей данной общественной ситуации, поскольку общественное сознание было еще не пробуждено и парализовано страхом.

В романе «Мастер и Маргарита» выделяется явный дуализм, основанный на оппозиции общество (народ) – личность. Именно в рамках этой антонимной модели следует рассматривать вопрос о свободе. Несвобода общества как всеобъемлющая постоянная составляющая, с одной стороны, поглощает жизнь Мастера и Маргариты, но с другой – приводит к расцвету личной свободы, которая рождается в результате их самовольной изоляции от общества и погружения в тайную жизнь. Концепция свободы, разработанная Булгаковым, базируется на личной свободе, которая присуща лишь духовно свободным людям и тождественна с самосознанием. Оба героя представляют собой единственно свободных людей в московской действительности. Человек свободен, если свободна его душа. Однако, по Булгакову, настоящая любовь также является своего рода несвободой: «Его не было рядом в этот день, но разговаривала мысленно Маргарита Николаевна все же с ним: “Если ты сослан, то почему же не даешь знать о себе? Ведь дают же люди знать. Ты разлюбил меня? Нет, я почему-то этому не верю. Значит, ты был сослан и умер... Тогда, прошу тебя, отпусти меня, дай мне наконец свободу жить, дышать воздухом”. Маргарита Николаевна отвечала за него: “Ты свободна... Разве я держу тебя?” Потом возражала ему: “Нет, что это за ответ! Нет, ты уйди из моей памяти, тогда я стану свободна”» [1, с. 690]. Парадоксально: казалось бы, свобода от любви равна состоянию смерти, что видно на примере развития сюжетной линии как Мастера, так и Маргариты. Тем не менее, согласно метафизическим и мистическим исканиям автора романа, только такая «несвобода» может освободить человека от уз материального и мнимого мира.

Следующей ведущей идеей романтизма является прогресс. В противоположность концепции просвещения, романтический прогресс отождествлялся с процессом, полным мучений, душевных испытаний и самопожертвова-

ний. И, хотя Булгаков верил в идею Великой Эволюции, которую противопоставлял «революционному прогрессу» [2], в романе единственным проявлением этой универсальной силы можно считать присутствие ее представителя – Воланда. Прогресс в смысле обновления, очищения и конечного выполнения совершается именно посредством Воланда и его свиты. Он реализуется в сфере и материальной, и духовной. В этом отношении судьба Мастера и Маргариты является осуществлением влияния этой силы. Таким образом, тема прогресса в романе одновременно гармонирует с романтической категорией духа.

Испытания заглавных героев носят, по сути, исключительно духовный характер. Мастер после непризнания критикой своего романа и отказа его опубликовать переживает духовную смерть и физически оказывается в больнице для душевнобольных, что символически означает его духовную и телесную смерть (приют доктора Стравинского можно сравнить с гробницей, в которой исчезают люди). Следовательно, мотив испытаний и самопожертвования переплетается с романтической категорией духа, которая определяла не только индивидуальную личность, но относилась также к пониманию феномена истории и времени (философия Г.В.Ф. Гегеля и Ф.В. Шеллинга). Итогом такого универсализма оказывался спиритуализм и мистицизм. В свете вышесказанного творчество воспринималось как проявление высшей правды, приобретающей неоднократно черты пророчества. Итак, согласно свидетельству высшего авторитета, Воланда, роман Мастера оказывается именно пророчеством и единственным правдивым сведением об учении и жизни Иешуа.

В «Мастере и Маргарите» романтическая концепция героя и романтическая тема любви также созвучны. Во-первых, они представляют собой продолжение и развитие темы «Фауста» Гете. Во-вторых, их разрешение совершается в сфере мистики, в потустороннем мире. Кроме того, концепция героя, согласно романтической формулировке, выражала индивидуалистические тенденции эпохи, фокусируясь на неизбежном конфликте художника с обществом. Художник – это, как правило, выдающаяся личность, обладающая интуицией, которая позволяет ему контакти-

ровать с высшим миром. Тем не менее, образ булгаковского героя является не вполне точным осуществлением западноевропейской модели, так как в сюжетной линии Мастера отсутствует акт самопожертвования ради блага народа. Наоборот, Мастер – это интроверт, бежавший не только от окружающего его общества, но изолирующий себя от внешнего материального мира вообще.

Романтический портрет Мастера дополняет Маргарита, выразительница романтического бунта против враждебного мира и идеи спасения возлюбленного через любовь. В противоположность Мастеру она чувствительна, полна бурных эмоций, предприимчива и готова на все. Посредством образа Маргариты осуществляется идея романтической любви, точно так, как с образом Мастера связана идея романтического творчества. Согласно мистическому принципу андрогена, Маргарита является женским дополнением Мастера. Итак, в финале Воланд провожает героев в их вечный приют, завершая тем самым земное существование обоих и выполняя свою миссию. Он обращается к сомневающемуся еще Мастеру следующим образом: «о, трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта? Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула? Туда, туда. Там ждет уже вас дом и старый слуга, свечи уже горят, а скоро они потухнут, потому что вы немедленно встретите рассвет. По этой дороге, мастер, по этой. Прощайте! Мне пора» [1, с. 829].

К ключевым романтическим лейтмотивам булгаковского романа можно причислить также демонологию и inferнальную фантастику в виде русалок, вампиров, летающих черных коней, фавнов, говорящих животных вроде болтливой кога-умницы Бегемота. Фантастическая изобразительность постепенно фокусируется вокруг Маргариты, которая превращается в ведьму, проходя ритуал посвящения и метаморфозы: «Прием ей оказан был самый торжественный. Прозрачные русалки остановили свой хоровод над рекою и замаяли Маргарите водорослями, и над пустынным

зеленоватым берегом простонали далеко слышные их приветствия. Нагие ведьмы, выскочив из-за верб, выстроились в ряд и стали приседать и кланяться придворными поклонами. Кто-то козлоногий подлетел и припал к руке, раскинул на траве шелк, осведомляясь о том, хорошо ли купалась королева, предложил прилечь и отдохнуть» [1, с. 711]. Затем Булгаков доводит демонологическую символику до кульминации в сцене бала у сатаны.

Литературоведы неоднократно обращали внимание на важность фантастических образов в данном романе. Они подчеркивали, что фантастика в «Мастере и Маргарите» раскрывает тайны трансцендентного мира, а отдельные ее образы приобретают значение и функцию символа [20]. Более того, литературоведы выделяют в поэтике романа определенные черты булгаковского мифотворчества [9]. Фантастика в данном произведении, с одной стороны, основана на фольклоре, а с другой – отличается градацией, которая эволюционирует от образов из народной литературы до апокалиптических картин [4].

Исследователи правы, когда проводят параллели между булгаковской фантастикой и фольклором, народным мифом, традицией романтизма (творчество Н. Гоголя, Э.Т.А. Гофмана) и модернизма [8, с. 56–57]. Однако надо при этом помнить, что фантастика в произведениях Булгакова не теряет связи с действительностью, она из нее вырастает и осмысляет ее. Такого рода фантастика позволяла писателю не только преодолевать рамки цензуры, но, прежде всего, выражать свои самые глубокие философские взгляды. И, хотя булгаковская фантастика вырастает из уродливого советского быта, она устремлена в вопросы бытия. Относительно булгаковской фантастики (которую называют также «сатирической фантазмагорией» [8]) можно сказать, что она, во-первых, эволюционирует на протяжении всего творчества писателя, а во-вторых, состоит как минимум из трех слоев: реального, метафорического и мистического. Симптоматично, что фантастические образы повестей «Дьяволиада», «Рокковые яйца» и «Собачье сердце» получили свое полное разрешение в поэтике «закатного романа» Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Это касается не только демоноло-

гии, но также типологии и конструкции героев. Любопытно при этом, что если мистические элементы в фантастических повестях были еще в зародышевом состоянии и использовались Булгаковым в более, так сказать, игровой форме, то в «Мастере и Маргарите» они преодолевают метафорическую функцию фантастического и составляют суть идейной структуры романа.

Обсуждая черты сходства и точки соприкосновения между текстом «Мастера и Маргариты» и романтизмом, следует также учесть те аспекты поэтики романа, которые явно не совпадают с поэтикой эпохи романтизма. В первую очередь имеется в виду жанр булгаковского произведения, то есть самый распространенный и подвергшийся бурному развитию в XX веке жанр романа [22, с. 326]. Романтизм в свое время породил поэму (поэтическая повесть, дигрессивная поэма), историческую повесть, а также фантастические рассказы и новеллы. Романтики сначала предпочли лирику эпике, и только на закате эпохи эпика стала переходным фактором, обуславливающим порождение в литературе реализма.

Однако, как ни странно, в булгаковском романе можно найти черты всех вышеназванных романтических жанров, дигрессию в наррации: исторической повестью-романом является произведение Мастера о Понтии Пилате; похождения Воланда и его свиты в Москве представляют собой фантастический рассказ-новеллу, а истинно романтическими чертами обладает исполненный лирики рассказ о любви Мастера и Маргариты. В итоге Булгаков смог создать жанр, объединяющий в себе все романтические жанры, создал своего рода жанровый синтез и блестяще завершил стремительные поиски романтиков, стирая тем самым разрыв между поэзией и прозой. К этому следует добавить, что ученые, исследующие творчество Булгакова, отмечают, что его проза (в том числе «закатный роман») отличается драматичностью, то есть Булгаков часто раскладывал эпизод, сцену на отдельные роли, поэтому диалог играет главную роль в художественном методе писателя [13; 17].

Очередным несопадением булгаковского романа с поэтикой и идеологией романтизма можно считать отказ писателя от концепции фатума, которая в литературе западноев-

ропейского романтизма обуславливала судьбы героев. Симптоматично, что в литературе русского романтизма роль такого фатума приобретает государственный режим и русское общество, которые порождают «лишних» и «маленьких» людей.

Итак, Булгаков заменил фатум концепцией мистического предназначения. Именно предназначение как проявление законов Вселенной отражается в истории любви Мастера и Маргариты и их судьбах: «Так поражает молния, так поражает финский нож! Она-то, впрочем, утверждала впоследствии, что это не так, что любили мы, конечно, друг друга давным-давно, не зная друг друга, никогда не видя, и что она жила с другим человеком, и я там тогда... с этой, как ее... <...> впрочем, я не помню. Так вот она говорила, что с желтыми цветами в руках она вышла в тот день, чтобы я наконец ее нашел, и что, если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь ее пуста. <...> Мы разговаривали так, как будто расстались вчера, как будто знали друг друга много лет. <...> И скоро, скоро стала эта женщина моею тайною женой» [1, с. 620]. Причем в данном отрывке привлекает внимание внезапность и неожиданность воздействия вселенских сил на жизнь героев и разные реакции на нее Мастера и Маргариты (он воспринял это с опасением, а она как исполнение долгожданного обещания).

Среди общих качеств, свойственных поэтике романтизма и тексту «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова, на первый план выдвигается проблема разрыва между героем и обществом («поэт и толпа», а не «поэт и народ») и одновременно отрицание им миссии спасения народа. У Булгакова понятие народа превращается в концепт толпы – главного врага героя, который поглощает его. Данная ситуация вытекает из идейной модели, лежащей в основе романа: мистического разделения на внешний мир и внутренний мир героя. В результате оба мира становятся антонимами. Сверх того, нельзя упустить из виду романтической сатиры в гоголевском стиле, правда, развитой в творчестве Булгакова под влиянием реалиста Михаила Салтыкова-Щедрина. Именно сатира оказывается тем оружием, с помощью которого Булгаков

жестоко расправляется с советским обществом, подобно врачу ставя диагноз всех его болезней и извращений.

Романтическая идея самопожертвования осуществляется в рамках индивидуализма, так как Мастер – это романтический тип художника, полностью посвященного своему делу, понимаемому как главная миссия его жизни. Идея самопожертвования осуществляется в романе также Маргаритой, которая, в свою очередь, полностью посвящена Мастеру как объекту своей любви. Следовательно, антоним толпа – герой относится к совокупной концепции героя, то есть взаимодополняющему идеалу мужского и женского элемента (Мастер и Маргарита как одно целое, осуществление идеала мистической полноты). Некоторые литературоведы подозревают в этой мистике даже манихейский дух [7], хотя положительный идеал полноты свойственен, скорее всего, гностической концепции античного философа Валентина, чем манихеизму.

В заключение следует также отметить и тот факт, что в литературоведении сам Михаил Булгаков был неоднократно назван романтиком. Исследователи подчеркивали, что романтизм характерен для всего его творческого пути: от первого большого романа «Белая гвардия» до последнего. Истинно романтическими являются в его произведениях яркость коллизий, накал страстей, едва ли не в каждом эпизоде роковые обстоятельства и вторжение высших сил [6]. Несомненно, Булгаков был романтиком как личность, выразителем по-настоящему романтического бунта, когда выступал против советского тоталитаризма и исторической лжи, давая свидетельство истины и правды в своих творениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков, М. Мастер и Маргарита / М. Булгаков // Романы: Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Театральный роман. Мастер и Маргарита. – Ереван : Луйс, 1988. – 620 с.
2. Булгаков, М. Письмо Правительству СССР от 28 марта 1930 года / В. Лакшин // Булгакиада. – Киев : Радянська Україна, 1991. – С. 57.
3. Венгерова, С. А. Этапы «неоромантического» движения / С. А. Венгерова // Русская литература XX века / под ред. С. А. Венгерова. – М. : Мир, 1914. – С. 1–54.
4. Галинская, И. Л. Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://ilgalinsk.narod.ru/bulgakov/b_recep.htm. – Загл. с экрана.
5. Гаспаров, Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Б. М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы. – М. : Наука : Изд. фирма «Восточная литература», 1994. – С. 28–30.
6. Дриккер, А. Русское сердце. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/5/forum1.html>. – Загл. с экрана.
7. Лотман, Ю. М. Дом в «Мастере и Маргарите» / Ю. М. Лотман // О русской литературе : ст. и исслед. : история рус. прозы, теория лит. – СПб. : Искусство, 1997. – С. 752.
8. Николенко, О. Библиейские мотивы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / О. Николенко // Библиейские мотивы в русской культуре и литературе / под ред. Ч. Андрушки. – Познань : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2000. – С. 149.
9. Соколов, Б. Михаил Булгаков – Булгаковская Энциклопедия. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.1bulgakov.pdf> (с. 283, 172, 195, 270–271). – Загл. с экрана.
10. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1987. – С. 177.
11. Чешихин-Ветринский, В. Неоромантизм / В. Чешихин-Ветринский // Литературная энциклопедия : словарь лит. терминов : в 2 т. / под ред. Н. Бродского и др. – М., 1925. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-5141.htm>. – Загл. с экрана.
12. Чудакова, М. О. Гоголь и Булгаков / М. О. Чудакова // Гоголь: история и современность. – М. : Сов. Россия, 1985. – С. 360–389.
13. Шиндель, А. Пятое измерение / А. Шиндель // Знамя. – 1991. – № 5. – С. 200–203, 207.
14. Curtis, J.A.E. Bulgakov's last decade: The writer as hero / J.A.E. Curtis. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – P. 128.
15. Drawicz, A. Mistrz i diabeł. Rzecz o Bułhakowie / A. Drawicz. – Warszawa : MUZA SA, 2002. – S. 486.
16. Edwards, T.R.N. Three Russian writers and the irrational: Zamyatin, Pil'nyak, and Bulgakov / T.R.N. Edwards. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – P. 220.
17. Karaś, J. Perspektywa narracyjna w powieściach Michała Bułhakowa / J. Karaś // Studia Rossica Posnaniensia. – 1979. – Z. 13. – S. 168.
18. Karaś, J. Фантастическое в творчестве М. Булгакова и Н. Гоголя («Петербургские повести» – «Дьяволиада» – «Мастер и Маргарита»)

та») / J. Karaś // *Studia Rossica Posnaniensia*. – 1993. – Vol. XXIII. – S. 53–60.

19. Krawczyk, U. Chrystus i Piłat. Semantyka wątku w powieściach „Mistrz i Małgorzata” Michaiła Bułhakowa oraz „Golgota” Czingiza Ajtmatowa / U. Krawczyk // *Slavia Orientalis*. – 2002. – Nr 3 (tom LI). – S. 390–391.

20. Krawiecka, E. Apokalipsa według Michaiła Bułhakowa. Przestrzeń i symbolika „Mistrza i Małgorzaty” / E. Krawiecka. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2008. – S. 91–92.

21. Rutkiewicz, K. Dwa bale z przesłaniem moralnym (Bułhakow i Goethe) / K. Rutkiewicz

// *Przegląd Rusycystyczny*. – 2007. – Z. 2 (118). – S. 51–65.

22. Słownik terminów literackich / под ред. J. Sławińskiego. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976. – S. 379–380.

23. Thompson, E. The artistic world of Mikhail Bulgakov / E. Thompson // *Russian literature*. – 1973. – Vol. 2, № 5. – P. 64.

24. Treści religijno-filozoficzne w powieści „Mistrz i Małgorzata” Michaiła Bułhakowa / D. Хорчак. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2002. – S. 102–103.

THE REMINISCENCE OF THE ROMANTICISM IN THE NOVEL “THE MASTER AND MARGARITA” BY MIKHAIL BULGAKOV

A. Hudzinska-Parkosadze

The article is devoted to the issue of a degree and ways of reflecting the ideas of Romanticism in the one of the most famous novels of XX century – *The Master and Margarita*, written by Mikhail Bulgakov. Among the most crucial romantic ideas and themes are: the idea of freedom, idea of progress, the category of spirit, the concept of a hero, the theme of love, demonology and fantasy. In the result of the research, the author came to the conclusion that the motif of the conflict and the gap between the hero and the society comes to the fore. What’s more, this situation emphasises the dualistic model of the world, which is a base of the novel.

Key words: *the Romanticism, The Master and Margarita, the dualistic model of the world order, the hero and the society, the idea of progress*